

Аста Вульф

18+

«Он был здесь
Пока я спала»

Тень в
моей комнате

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Аста Вульф

Тень в моей комнате

<https://litres.ru/74485874>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он назвал её маленькой птичкой в ту же секунду, как увидел.

Она даже не знала, что клетка уже строится.

Эвелин всего девятнадцать. Она учится, работает, живёт обычной жизнью, пока в неё не врзается незнакомец с тёмными глазами. Его взгляд не отпускает, его голос преследует по ночам, а однажды утром она находит записку на тумбочке — он был в её комнате, пока она спала.

Малакай — владелец сети клубов, опасный, холодный, привыкший получать всё, что хочет. Он выбрал её. И когда судьба подбрасывает ему идеальный шанс, он не колеблется.

Теперь ей предстоит провести полгода в фиктивном браке с человеком, который улыбается, но за этой улыбкой скрывается тьма. Остаться с ним — значит погибнуть. Уйти — значит предать отца.

Каждый его взгляд — цепь. Каждое прикосновение — клеймо. Он говорит, что она свободна, но его глаза обещают совсем другое.

Содержание

Серия:Моя тень	5
Аннотация	6
Пролог. Тень	7
Глава 1 Эвелин	9
Глава 2 Эвелин	16
Глава 3 Эвелин	26
Глава 4 Малакай	34
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Аста Вульф
Тень в моей комнате

Серия:Моя тень

«Ты моя одержимость. Моя боль. Моё всё».

Посвящение

Тем, кто когда-либо чувствовал чужой взгляд в темноте.
И не мог понять — страх это или желание.

Аннотация

Он назвал её маленькой птичкой в ту же секунду, как увидел.

Она даже не знала, что клетка уже строится.

Эвелин всего девятнадцать. Она учится, работает, живёт обычной жизнью, пока в неё не врежется незнакомец с тёмными глазами. Его взгляд не отпускает, его голос преследует по ночам, а однажды утром она находит записку на тумбочке — он был в её комнате, пока она спала.

Малакай — владелец сети клубов, опасный, холодный, привыкший получать всё, что хочет. Он выбрал её. И когда судьба подбрасывает ему идеальный шанс, он не колеблется.

Теперь ей предстоит провести полгода в фиктивном браке с человеком, который улыбается, но за этой улыбкой скрывается тьма. Остаться с ним — значит погибнуть. Уйти — значит предать отца.

Каждый его взгляд — цепь. Каждое прикосновение — клеймо. Он говорит, что она свободна, но его глаза обещают совсем другое.

Но есть один вопрос, который пугает её сильнее всего:

Успеет ли она вылететь из этой клетки, пока не поздно?

Или уже слишком поздно, потому что она сама собирается запереть себя в ней?

Пролог. Тень

Я проснулась от того, что в комнате было слишком тихо. Не просто тихо — неправильно тихо. Как будто кто-то стоял в углу и ждал, когда я открою глаза. Я лежала, боясь пошевелиться, и слушала. Сердце билось где-то в горле. Дыхание — слишком громкое. Простыни — слишком холодные.

На тумбочке лежал листок. Белый, сложенный пополам. Его там не было вечером.

Я протянула руку. Пальцы дрожали. Развернула.

Почерк был чёткий, резкий. Чужой.

«Ты очень сладко спишь. Но не думаю, что сможешь спать так же сладко в постели со мной».

Я отшвырнула записку, как будто она обжигала. Вскочила. Включила свет. Никого. Окна заперты. Двери закрыты. Но я знала: он был здесь. Пока я спала. Пока я была беззащитна. Пока я не знала, что за мной наблюдают.

А потом я увидела розу.

Тёмно-красную, почти чёрную. С шипами, которые он не срезал. Она лежала на туалетном столике — рядом с моими духами, рядом с гребнем. Он касался моих вещей. Он трогал мою жизнь. Он был внутри.

Я сжала розу в руке. Шипы впились в ладонь. Больно. Но я не разжала пальцы. Потому что эта боль была честнее, чем

страх.

Кто ты?

Я не знала его имени. Не знала, как он выглядит. Не знала, чего он хочет. Но я уже знала главное: он не отпустит.

И самое страшное — я не была уверена, что хочу, чтобы он отпустил.

Глава 1 Эвелин

Это был апрель. Ещё веяло холодом, но солнце уже грело по-настоящему, разгоняя остатки зимней хмари. Я сидела на кухне, попивая латте, и смотрела в окно. За стеклом просыпался город, ветер качал молодые ветки, и в этом движении было что-то такое, от чего внутри разрасталось странное предчувствие. Будто мир готовился к чему-то, а я ещё не знала, что это будет.

Выходные наступали после тяжёлой недели. Я так хотела провести их с Лилит — с ней легко, она как глоток свежего воздуха, с ней можно молчать и не чувствовать неловкости. Когда телефон завибрировал, я уже знала, кто это.

«Ну что, во сколько сегодня увидимся?»

Я задумалась, глядя на экран. Чашка латте грела ладони, и в этом тепле было что-то родное, уютное. Я улыбнулась собственным мыслям и ответила:

«Думаю, в 8. Встретимся в парке на нашем месте».

Выключила телефон и начала собираться. Шаги по лестнице на второй этаж звучали глухо, как будто я поднималась не в свою комнату, а в другую жизнь, которая уже ждала меня там, за дверью.

Я подошла к шкафу, провела пальцами по вешалкам. Платье — нет, сегодня не тот день. Это всего лишь прогулка с подругой, вечер может быть прохладным, и я хотела чувство-

вать себя собой — не нарядной, не особенной, просто той Эвелин, которая не ждёт ничего от этого дня.

Я достала любимые джинсы. Они сидели на мне превосходно — не слишком обтягивающие, но так идеально отчёркивающие талию, что я на мгновение задержала взгляд на собственном отражении в зеркале шкафа. Талия была моей гордостью, но я редко позволяла себе думать о том, как выгляжу. Сегодня я просто приняла себя — такую, какая есть.

Я уже подъезжала к парку, когда телефон засветился новым уведомлением.

«Ну ты как всегда. Без задержки ты не можешь? Давай скорее, а то я устала тебя ждать!»

Лилит. Я улыбнулась её напору, но внутри закралась лёгкая тревога — я потеряла счёт времени, погружённая в свои мысли. Быстро припарковавшись, я выскочила из машины, хлопнула дверь и побежала.

Ветер бил в лицо, холодный, апрельский, с запахом мокрой земли и распускающихся почек. Я бежала, чувствуя, как джинсы обтягивают ноги, как волосы развеваются на ветру. И в этот момент — на бегу, глядя в телефон — я врезалась в кого-то.

Сильный толчок отбросил меня назад, и я, качнувшись, полетела бы на асфальт, если бы не его рука. Она сжала мой локоть — крепко, даже слишком, словно он не давал мне упасть, но и не собирался отпускать.

— Ты вообще смотришь, куда идёшь? — его голос был низким, с хрипотцой, и от него по позвоночнику пробежала дрожь. — Или ты слепая?

Я дёрнулась, высвобождая локоть, и в этот момент подняла на него взгляд.

На долю секунды мир перестал существовать. Всё — ветер, шум машин, запах парка — исчезло. Остались только его глаза. Чёрно-карие, почти бездонные, они смотрели на меня так, будто видели не просто девушку, а что-то, что было скрыто от всех остальных. На его губах играла едва заметная усмешка, и в этой усмешке была такая уверенность, что у меня перехватило дыхание.

Я отвела взгляд первой. Сделала над собой усилие.

— Я всё прекрасно вижу, — процедила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Просто кто-то выскочил на моём пути.

И, не оглядываясь, обошла его. Сердце колотилось где-то в горле, и я чувствовала, как он смотрит мне в спину — тяжело, неотрывно, будто что-то решая.

Я подбежала к Лилит, пытаюсь отдышаться.

— Боже, Лилит, я потеряла счёт времени, прости! — выпалила я.

— Да ладно, я не так уж и давно пришла. Я же знаю, как ты вовремя умеешь приходить.

Я опустилась рядом с ней на скамейку. Руки всё ещё дрожали.

— Ты чего такая на взводе? — Лилит внимательно смот-

рела на меня.

— Да по дороге столкнулась с одним придурком, — я попыталась усмехнуться, но голос выдавал меня. — Чуть не упала из-за него, а он даже не спросил, как я. Только процедил что-то про слепых.

Но я не сказала ей, что в его глазах было что-то, от чего внутри всё перевернулось. Не сказала, что я всё ещё чувствовала его хватку на своём локте.

Лилит усмехнулась:

— Ну, бывает. Кстати, забыла сказать — к нам захотел присоединиться мой брат с другом.

— И где же они? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Где-то рядом. Брат недавно писал, что уже на подходе.

Я отвернулась к саду. Деревья начинали зеленеть, и это всегда вдохновляло меня — после жестоких морозов приходит тепло. После всех неудач — белая полоса. Я смотрела на ветки, которые шевелил ветер, и пыталась успокоить дыхание. Внутри всё бурлило, и я не могла понять почему.

А потом я повернула голову и увидела его. Он шёл рядом с братом Лилит. Тот самый парень, в которого я врезалась. Тот самый взгляд.

— Всем привет! — брат Лилит подошёл к нам, сияя улыбкой.

— Привет, — ответила я, чувствуя, как голос становится чуть ниже.

— Это мой друг Малакай, — представил брат. — Сегодня удачный день — я смог вырвать его из работы. А это, на минуточку, очень сложно.

Я подняла взгляд и встретила с ним глазами. Он смотрел на меня с той же спокойной уверенностью, что и тогда, у входа. На его губах мелькнула лёгкая ухмылка — не насмешливая, а какая-то своя, чужая, от которой внутри всё сжалось. Я почувствовала, как по спине пробежали мурашки, и постаралась не отводить взгляд. Я не покажу ему, что он меня задел. Ни за что.

И в тот момент, когда я смотрела на него, я поняла: он был чертовски хорош. Высокий, с острыми, чёткими чертами лица, с тёмными волосами, которые падали на лоб, и с этими бездонными карими глазами, в которых можно было утонуть, если смотреть слишком долго. Я поймала себя на этой мысли и одёрнула: О чём я думаю? Завтра он обо мне даже не вспомнит. Он даже не знает, кто я.

Но в глубине души что-то шептало: «Он знает. И он уже выбрал тебя».

— Эвелин, — голос Лилит вернул меня в реальность. Она обняла меня за плечи и положила голову на моё плечо. — Моя лучшая подруга.

— Эвелин... — тихо, почти шёпотом, так, чтобы услышала только я, произнёс Малакай. — Маленькая птичка.

Сердце пропустило удар. Я застыла на мгновение, чувствуя, как кровь приливает к щекам. Он сказал это так, буд-

то мы были знакомы века — будто он имел право называть меня так. И я, вопреки своему рассудку, не хотела, чтобы он замолкал. Это было страшно. Это было неправильно. Но это было так сильно, что я забыла, как дышать.

Внутри меня боролись два голоса. Один кричал: «Уходи, это опасно, он не тот, кем кажется». Другой шептал: «Останься, посмотри на него ещё раз, это судьба». И этот второй голос звучал громче.

И тут, словно услышав мои мысли, завибрировал телефон. Мама.

«Милая, давай домой. Есть разговор».

Я выдохнула с облегчением, которого не ожидала. Я была готова сбежать, и этот звонок стал моим спасением.

— Извините, мне пора, — я постаралась, чтобы голос звучал сожалением, но внутри я ликовала. — Мама зовёт.

Я попрощалась с Лилит, развернулась, сделала шаг к парковке. Я чувствовала, что он смотрит на меня, и затылок начинал гореть. Я сжала ключи в руке так сильно, что металл впился в ладонь. Я хотела просто уйти. Быстро. Не оглядываясь.

Но его голос догнал меня.

— Ну ничего, маленькая птичка, — сказал он, и в его тоне была такая предвкушающая насмешка, что по телу пробежал электрический разряд. — Увидимся.

Внутри меня всё сжалось в узел. Он не обещал, он предсказывал. И я знала: он не просто так это сказал. Он был уве-

рен, что встретит меня снова.

— Ну-ну, — прошептала я себе под нос и продолжила путь.

Я не обернулась. Но сердце колотилось где-то в горле, и на губах всё ещё горела его фраза: «маленькая птичка». Я села в машину, завела двигатель, и только тогда позволила себе выдохнуть.

Запах его одеколona всё ещё преследовал меня.

И я знала: этот запах не исчезнет до конца моей жизни.

Глава 2 Эвелин

Я вернулась домой — в наш двухэтажный дом на тихой улице, где мы жили с родителями. Я поднялась на второй этаж, в свою комнату, и закрыла дверь.

Его тёмные глаза, его густые ресницы, его голос, который звучал так, будто он знал меня дольше, чем я его. Я скинула обувь в прихожей, бросила ключи на тумбочку и прошла в гостиную. Дом был тихим, тёплым, знакомым. Но я не чувствовала себя здесь в безопасности. Как будто его взгляд проник в меня и теперь остался там, внутри, и никакие стены не могли его выгнать.

Маленькая птичка.

Я зажмурилась, пытаюсь стряхнуть это наваждение. Но его образ цеплялся за каждую мысль, как репейник. Я видела его лицо, когда закрывала глаза. Видела его руки, когда смотрела на свои. Видела его ухмылку, когда смотрела в зеркало.

Разговор с мамой отвлёк меня от этого наваждения.

Она сидела на кухне, задумчиво помешивая чай. Свет лампы падал на её лицо, и я заметила морщины, которых

раньше не видела. Она выглядела уставшей. Напуганной. Когда я вошла, она подняла на меня глаза, и в них была та самая тревога, которую я видела в последние дни слишком часто.

— Нам с отцом предстоит поездка, — сказала она тихо.
— На две недели.

— И вы переживаете, как я останусь здесь одна? — я попыталась улыбнуться, но улыбка вышла кривой. — Мам, ну чего ты так переживаешь? Не кто же меня не украдёт.

И в тот момент, когда эти слова сорвались с моих губ, я снова вспомнила Малакая. Его взгляд. Его ухмылку. Его голос: «Увидимся, маленькая птичка». Я отогнала мысли, сделала глоток чая. Но внутри остался холодок.

— Как я могу не переживать? — мама отставила чашку.
— У твоего отца сейчас проблемы с бизнесом. Он должен крупную сумму, и эта поездка должна решить эту проблему. Если не решим — потеряем всё.

В её голосе звучала такая усталость, что мне стало не по себе. Я никогда не видела её такой. Она всегда была опорой, скалой, а теперь сидела передо мной и смотрела в одну точку, как будто разговаривала не со мной, а с собственными страхами. Впервые я поняла, что мои родители — не всесильны.

Что они тоже боятся. Что они тоже могут потерять всё.

Я протянула руку и накрыла её ладонь своей.

— Всё будет хорошо, — сказала я. — Вы решите это. Я знаю.

Она слабо улыбнулась, но в этой улыбке не было уверенности. Только надежда. Хрупкая, как тонкий лёд.

Мы ещё немного посидели на кухне, допивая чай. Это был ритуал, который я любила — вечерняя тишина, тепло чашки в ладонях, спокойствие, которое окутывало меня перед сном. Я почти забыла о нём. Почти. Но где-то на дне сознания его имя всё ещё пульсировало, как заноза.

— --

Поднявшись в свою комнату, я остановилась на пороге.

Моя спальня всегда казалась мне убежищем: просторная, с большими окнами от пола до потолка, с маленьким балкончиком, на который я так любила выходить ночью. Стены были светлыми, шкаф — забит книгами и старыми тетрадями, на столе — ворох бумаг и заряженный ноутбук. Сейчас она выглядела так же, как всегда. Но в ней будто поселилось

что-то невидимое. Какое-то напряжение.

Я сняла с себя одежду, переоделась в домашнее — мягкие штаны и футболку. И подошла к балконной двери. Мне нужно было подышать. Освежить голову.

Я отодвинула шторы и вышла на балкон.

Ночной воздух коснулся кожи, свежий, влажный, пахнущий мокрой листвой. Я оперлась на перила и уставилась в темноту. Так спокойнее. Темнота заполняла почти каждый уголок нашего участка, пряча в себе деревья, кусты, дорожки. Где-то вдаль мелькнула тень — короткая, быстрая. Я прищурилась, но ничего не разглядела. Наверное, просто ветер или животное. Я не придавала этому значения.

Хотя надо было бы.

— --

Я вернулась в комнату. Закрыла балконную дверь, задёрнула шторы — плотно, так, чтобы ни один луч с улицы не проникал внутрь. Я всегда так делала. Мне нравилось чувствовать себя в коконе.

Переоделась в любимую пижаму — мягкую, тёплую, с

длинным рукавом, которую носила уже несколько лет. Она была выцветшей, немного растянутой, но самой удобной. Забралась под одеяло, и тело сразу же расслабилось. Простыни пахли лавандой, одеяло укутывало как кокон, и казалось, что я смогу уснуть мгновенно. Тепло разливалось по всему телу, веки тяжелели. Я уже почти провалилась в сон.

Но реальность вернул телефон.

Он завибрировал на тумбочке. Громко, настойчиво, как будто кто-то звонил. Я потянулась, не открывая глаз, ожидая увидеть сообщение от Лилит. Может, она хотела спросить, как я добралась. Может, что-то забыла.

Но экран горел другим именем.

Малакай.

Я вздрогнула. Сердце ударило где-то в горле, и сон слетел мгновенно. Я села в кровати, прижимая телефон к груди, и уставилась на экран. Он написал мне. Он нашёл мой номер. Откуда? Как? Я никому его не давала. Я даже не была с ним знакома толком. Мы просто столкнулись в парке. Просто пересеклись взглядами. Просто...

Я открыла сообщение.

«Ну как добралась, моя маленькая птичка?»

Я смотрела на эти слова, и внутри меня всё сжималось. Он знал, что я добралась. Он знал, что я дома. Откуда? Он следил за мной? Он был где-то рядом? Я вскочила с кровати и подбежала к окну. Дёрнула штору. Ночь. Пустота. Только свет от уличного фонаря вырывал из темноты мокрый асфальт и ветки деревьев, которые качались как руки. Никого. Ничего. Но я чувствовала его.

Я вернулась на кровать, не выпуская телефон из рук. И тут пришло второе сообщение.

«Милая пижама. Я уже представляю, как сниму её с тебя».

По коже пробежал электрический разряд. В груди что-то сжалось, а потом отпустило с противным, тянущим чувством. Я посмотрела на себя — на свою старую, выцветшую пижаму, которую никто, кроме меня, не должен был видеть. Откуда он знает? Как он может знать, в чём я сплю?

Боже. Он видит меня. Он где-то здесь, он смотрит на меня.

Я вскочила, подбежала к окну снова, задёрнула штору ещё плотнее. Потом проверила балконную дверь — заперта. По-

том дверь в комнату — тоже заперта. Я стояла посреди комнаты, и меня колотило. Мне было страшно. Но это был иной страх — с примесью интереса, с небольшим трепетом сердца, который бился быстрее, чем хотелось бы признать.

Почему я не могу его заблокировать?

Я села на кровать, прижимая телефон к груди. Я хотела написать ему что-то резкое. Сказать, чтобы он оставил меня в покое. Но пальцы не слушались. Я просто смотрела на экран, на его сообщения, и чувствовала, как внутри меня борется страх и что-то ещё. Что-то тёмное, что не давало мне нажать «заблокировать».

Я убрала телефон в сторону и легла, не раздеваясь. Тишина в доме звенела. Где-то на первом этаже что-то скрипнуло, и я замерла. Вслушалась. Но звук не повторился. Наверное, просто старый дом. Или ветер. Или...

Я закрыла глаза и постаралась замедлить дыхание. Я не хотела думать о нём. Я хотела, чтобы он исчез из моей головы. Но в темноте я видела только его лицо, а в ушах слышалось его «маленькая птичка», произнесённое с той насмешливой, тёплой ухмылкой.

Боже, что ты со мной делаешь?

Я свернулась калачиком на кровати и обняла подушку, надеясь, что сон придёт и смоет этот страх. Но я знала: он где-то рядом. Я чувствовала это кожей.

— --

Сквозь дрему мне показалось, что за окном, за шторой, мелькнула тень. Я распахнула глаза и уставилась в темноту. Ничего. Только свет уличного фонаря, который разрезал комнату на полосы.

Я провела рукой по лицу и выдохнула.

— Просто нервы, — шепнула я себе. — Просто нервы.

Но я не включила свет. Я просто лежала и смотрела в потолок, прислушиваясь к каждому звуку, к каждому вздоху старого дома. Он был слишком тихим. Слишком пустым. И я чувствовала, как эта пустота начинает заполняться кем-то другим, кто уже вошёл в мою жизнь без спроса.

И уходить не собирался.

— --

Я проснулась от солнечного света, который пробивался через щель в шторах. Часы на тумбочке показывали восемь утра. В комнате было тихо, спокойно, и на мгновение я даже подумала, что всё произошедшее ночью мне приснилось. Сообщения. Записка. Тень за окном. Всё это было похоже на кошмар, который рассеивается с первыми лучами солнца.

Я перевела взгляд на телефон. Сообщения были на месте. Значит, не приснилось.

А потом я заметила листок на прикроватной тумбочке. Белый, сложенный пополам, его вчера точно не было.

Сон как рукой сняло. Я села в кровати, чувствуя, как внутри всё холодеет. Кто-то был в моей комнате. Пока я спала. Кто-то стоял надо мной и смотрел на меня.

Я взяла листок дрожащими пальцами, развернула его. На нём был тот же почерк — чёткий, с резкими наклонами.

«Ты очень сладко спишь. Но не думаю, что сможешь спать так же сладко в постели со мной».

Я отшвырнула записку, как будто она обжигала. Вскочила на ноги, прижала руку к груди, пытаюсь успокоить сердце. Он был здесь. Он смотрел на меня, пока я спала. Он мог до-

тронуться до меня, и я бы не проснулась. Он мог сделать всё, что угодно. И я бы не узнала.

Я подбежала к двери, проверила замок — закрыт. Окна — заперты. Балконная дверь — заперта. Но разве это что-то значит? Он проник в мою комнату и оставил записку. Значит, замки для него — не преграда.

Я быстро оделась, привела себя в порядок и спустилась вниз, чтобы помочь родителям. Они уже собирались — вещи стояли в прихожей, отец нервно проверял документы, мама суежилась вокруг. Скоро их самолёт, им нужно торопиться, но они никак не могли от меня оторваться.

— Мы любим тебя, дочка, — сказал отец, прижимая меня к себе. — Мы очень тебя ценим.

Мама обняла следом, и её руки дрожали.

— Береги себя, — прошептала она мне на ухо. — Пожалуйста.

Они говорили это часто. Но сегодня это прозвучало как-то иначе.

Как прощание.

Глава 3 Эвелин

Дверь за родителями закрылась, и звук замка щёлкнул с какой-то пугающей окончательностью.

Я постояла в прихожей, прислушиваясь к тишине. Ещё минуту назад здесь были голоса, шаги, суета — мама что-то искала в сумке, отец проверял документы, оба говорили мне «береги себя» так, будто прощались навсегда. А теперь только я и это глухое, давящее ничто.

Тишина заполнила дом, оседая на пол, на стены, на мебель. Я медленно прошла в гостиную, провела рукой по спинке дивана. Обычно здесь было шумно, всегда кто-то что-то делал, что-то говорил. Телевизор бормотал новости, мама звонила по телефону, отец что-то чинил в гараже. А теперь каждый звук — скрип половицы, гул холодильника, тиканье часов на стене — отдавался в груди эхом, будто удары сердца.

Я одна.

Я подошла к окну и отодвинула занавеску. Улица пустовала. Только редкие машины проезжали мимо, и солнце уже начинало клониться к вечеру, вытягивая длинные тени от

деревьев. Обычный день. Обычный город. Но я чувствовала себя так, будто нахожусь в чужом доме, где за каждым углом меня кто-то ждёт.

Воспоминания о записке, о его сообщениях, о том, как я проснулась утром с листком на тумбочке, — всё это всколыхнулось и ударило в голову. Я сжала руки в кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

Он был здесь.

Он стоял над моей кроватью, пока я спала.

Я попыталась убедить себя, что это просто глупая шутка, что кто-то из друзей Лилит или её брата мог подшутить надо мной. Но внутри я знала. Это был он. Его почерк, его голос в моей голове, его фраза «маленькая птичка» — всё это было слишком личным, слишком чужим для чьей-то шутки. Он знал мой адрес. Он знал, где я сплю. И он не скрывал этого.

Я медленно пошла на кухню, стараясь ступать тише, чем нужно. Свет был включён, чайник остывал, на столе осталась чашка мамы, которую она не допила. Я подошла к столу и на мгновение застыла, глядя на её чашку. Обычная белая чашка

с трещинкой на ободке — она не любила её выбрасывать, говорила, что «с ней связано столько утр». Теперь она была пуста, и в ней отражался свет люстры.

Я сделала шаг назад, наткнулась спиной на стул и вздрогнула.

— Господи, — выдохнула я вслух. — Соберись.

Соберись. Это было смешно. Я чувствовала себя так, будто кто-то смотрит на меня из каждой тени. Я обошла весь первый этаж, проверяя замки на окнах и дверях. Закрыто. Заперто. Всё было надёжно. Но он ведь попал в мою спальню, когда все окна и двери были закрыты. Значит, замки не помогут.

Я поднялась на второй этаж с какой-то осторожностью, наступая на каждую ступеньку так, будто под ними могли быть стеклянные ловушки. Коридор казался длиннее обычного. Я включила свет во всех комнатах, проверяя каждый угол. В моей спальне окна были заперты, шкафы пусты, под кроватью чисто. Никого.

Но я всё равно не могла избавиться от чувства, что он был здесь. Что он ждал.

Я вошла в свою комнату и остановилась.

Что-то было не так. Я не сразу поняла, что именно. Всё стояло на своих местах — кровать, шкаф, стол, книги. Но воздух был другим. Будто кто-то дышал здесь, пока меня не было. Будто чужое присутствие пропитало стены и теперь не хотело уходить.

Я медленно подошла к туалетному столику. И замерла.

На столешнице, рядом с моими духами и гребнем, лежала роза.

Одна. Тёмно-красная, почти чёрная, с бархатными лепестками и длинным стеблем, усеянным шипами. Она лежала так аккуратно, так продуманно, будто её положили с особым намерением.

Я смотрела на неё, и внутри меня всё сжималось от холода.

Он был здесь.

Я не знала, когда он это сделал. Может, ночью — вместе с

запиской. Может, пока я спала, он стоял над моей кроватью, смотрел на меня, а потом положил розу на столик. Может, она лежала здесь всё это время — пока я в панике собиралась, пока провожала родителей, пока бегала по дому, проверяя замки. Она была здесь. И я не заметила.

Он был в моей комнате. Он дышал этим воздухом. Он касался этого столика. И он оставил мне розу.

Я протянула руку, но не коснулась. Шипы. Они были острыми, я видела это по тому, как они блестели в свете лампы. Если я возьму её, я поранюсь. И, может быть, именно этого он и хотел.

Красиво и опасно. Как он сам.

Я отступила от столика. Сердце билось где-то в горле, и я чувствовала, как по спине пробегает холодный пот. Я не знала, что делать. Выбросить розу? Оставить? Позвонить кому-то? Полиции? И что я скажу — что какой-то парень, с которым я даже не разговаривала толком, оставляет мне розы и записки в доме, где все двери заперты?

Я села на край кровати, сжимая в руках телефон. Нужно было что-то делать. Написать Лилит. Сказать ей, что мне страшно. Сказать, что кто-то проник в мой дом и оставил за-

писку. И розу. Но что она могла сделать? Она живёт в другом конце города. Она не сможет приехать так быстро. А если я скажу ей, она начнёт задавать вопросы, на которые у меня не будет ответов.

Я открыла чат с Малакаем. На экране всё ещё висели его сообщения, которые я так и не прочитала полностью, но которые знала наизусть.

«Ну как добралась, моя маленькая птичка?»

«Милая пижама. Я уже представляю, как сниму её с тебя».

Я сглотнула. Пальцы дрожали. Я хотела написать ему что-то резкое, сказать, чтобы он оставил меня в покое. Но вместо этого я просто смотрела на экран, чувствуя, как внутри меня борется страх и... что-то ещё. Что-то тёмное, что не давало мне нажать «заблокировать».

Почему я не могу его заблокировать?

Я убрала телефон в сторону и легла, не раздеваясь. Тишина в доме звенела. Где-то на первом этаже что-то скрипнуло, и я замерла. Вслушалась. Но звук не повторился. Наверное, просто старый дом. Или ветер. Или...

Я закрыла глаза и постаралась замедлить дыхание. Я не хотела думать о нём. Я хотела, чтобы он исчез из моей головы. Но в темноте я видела только его лицо, а в ушах слышалось его «маленькая птичка», произнесённое с той насмешливой, тёплой ухмылкой.

Боже, что ты со мной делаешь?

Я свернулась калачиком на кровати и обняла подушку, надеясь, что сон придёт и смоет этот страх. Но я знала: он где-то рядом. Я чувствовала это кожей. И роза на столике всё ещё лежала там. Тёмная, бархатная, с шипами, которые ждали, чтобы впиться в мою кожу.

Сквозь дрему мне показалось, что за окном, за шторой, мелькнула тень. Я распахнула глаза и уставилась в темноту. Ничего. Только свет уличного фонаря, который разрезал комнату на полосы.

Я провела рукой по лицу и выдохнула.

— Просто нервы, — шепнула я себе. — Просто нервы.

Но я не включила свет. Я просто лежала и смотрела в по-

толок, прислушиваясь к каждому звуку, к каждому вздоху старого дома. Он был слишком тихим. Слишком пустым. И я чувствовала, как эта пустота начинает заполняться кем-то другим, кто уже вошёл в мою жизнь без спроса.

И уходить не собирался.

Глава 4 Малакай

Она врезалась в меня, и я почувствовал это раньше, чем увидел её лицо.

Запах. Сладкий, с нотками ванили и чего-то цветочного — такой нежный, что я на мгновение забыл, как дышать. А потом я посмотрел вниз и увидел её. Золотистые локоны, растрёпанные ветром, голубые глаза, которые распахнулись от испуга, и румянец, который залил её щёки, когда она поняла, что врезалась в меня.

Я мог бы просто отпустить её. Сказать что-то вежливое и забыть.

Но я не отпустил.

Я сжал её локоть чуть крепче, чем нужно, и почувствовал, как под моими пальцами бьётся её пульс. Быстро. Испуганно. Но не только испуганно — там было ещё что-то. Любопытство. Или, может быть, узнавание. Будто она уже знала меня. Будто ждала.

Я усмехнулся про себя. Глупости. Она не могла меня знать.

Но я знал её.

Я видел её впервые за несколько недель до этого дня. Гулял с братом Лилит — Оскаром — по центру, мы болтали о чём-то, что уже не имело значения. И тут я увидел её. Она шла по другой стороне улицы, с наушниками в ушах, с расчёпанными волосами, которые горели на солнце, как расплавленное золото. Она не смотрела по сторонам. Не видела меня. Просто шла своей дорогой, и в этом было что-то такое, от чего я остановился как вкопанный.

— Ты чего? — Оскар толкнул меня в плечо.

Я не ответил. Я смотрел на неё. На то, как она улыбается своим мыслям. Как она поправляет волосы. Как она исчезает за углом.

— Она будет моей, — сказал я.

Оскар рассмеялся.

— Ты её даже не знаешь.

— Узнаю.

Он не поверил. Я и сам не был до конца уверен, что говорю серьёзно. Но что-то внутри меня уже тогда щёлкнуло. Как затвор.

— --

После того дня я начал следить.

Я узнал, где она живёт. Двухэтажный дом на тихой улице, частный участок, деревья по периметру, низкая ограда — почти символическая. Я узнал, в какое время она выходит из дома, куда идёт, с кем встречается. Я стоял в тени деревьев за оградой, когда она выходила из калитки. Я сидел в машине напротив её университета, когда она шла на пары. Я видел, как она смеётся с Лилит, как пьёт кофе в парке, как разговаривает по телефону с кем-то, кто, судя по её лицу, был ей безразличен.

Я не подходил. Не заговаривал. Я просто смотрел. Изучал. Запоминал.

Я знал, что она любит латте с корицей. Что она всегда паркуется у входа, если есть место. Что она носит джинсы, которые идеально сидят на её талии. Что она засыпает с телефоном в руке и просыпается от первого луча солнца.

Я знал о ней больше, чем она сама.

И в тот день, когда она врезалась в меня в парке — в тот самый день, когда я стоял у входа и ждал, потому что знал, что она придёт, — я понял: пора.

Она вырвала локоть из моей руки, бросила что-то резкое, и я смотрел, как она убегает к Лилит. Её шаги были лёгкими, быстрыми, и даже со спины она выглядела как что-то, что принадлежит свету. Чистота. Невинность. Всё то, что я презирал и одновременно хотел уничтожить — или присвоить.

Я не знал, что именно чувствую. Ярость? Желание? Голод?

Да. Голод. Я хотел её. Я хотел взять её за эти золотистые локоны, притянуть к себе и почувствовать, как она дрожит под моими руками. Но внутри, где-то глубоко, в груди, ёкнуло что-то другое. Что-то, что я не мог объяснить. Не мог контролировать.

Я смотрел на неё, пока она сидела на скамейке с Лилит, и мои пальцы сжимались в кулаки. Она смеялась, запрокинув голову, и свет падал на её лицо так, что я видел каждую чётточку. Каждую веснушку. Каждый изгиб губ. Я хотел стереть эту улыбку. Или сделать так, чтобы она улыбалась толь-

ко мне. Я не знал, что именно я хочу.

Когда Оскар позвал меня подойти, я почувствовал, как сердце забилося быстрее. Я медленно подошёл, стараясь держать лицо непроницаемым. Я не должен был показывать ей, что она меня задела. Я был тем, кто задевает. Не наоборот.

Я встретился с ней взглядом. Её глаза были такими голубыми, что они казались почти прозрачными, как вода в горном ручье. Она смотрела на меня, и в этом взгляде было что-то — вызов, страх, интерес. И это всё зацепило меня сильнее, чем я мог признать даже себе.

— Эвелин, — сказала Лилит, обнимая её. — Моя лучшая подруга.

Я повторил её имя про себя. Эвелин. Оно звучало как что-то древнее, как имя, которое я слышал в другой жизни. Или в прошлой. Я не верил в такие вещи, но сейчас, глядя на неё, я готов был поверить во всё.

— Эвелин... — проговорил я тихо, так, чтобы услышала только она. — Маленькая птичка.

Я хотел увидеть её реакцию. Я хотел, чтобы она поняла: я её заметил. Я её выбрал.

Она вздрогнула. Всего на долю секунды, но я видел. Она слышала меня. Она знала. И внутри меня разлилось чувство, похожее на триумф.

А потом её мать позвонила, и она стала прощаться. Я видел, как она хотела сбежать, и это забавляло меня. Она думала, что убежит. Что спрячется.

Как только она ушла, я дождался, пока Оскар отвлётся на свой телефон, и сказал, что мне нужно идти. Я не соврал — мне действительно нужно было идти. Но не по делам.

Я последовал за ней.

— --

Я держался на расстоянии, прячась за деревьями, за машинами, за углами домов. Она не оборачивалась. Она даже не подозревала, что её ведут. Я видел, как она вошла в калитку, как прошла по дорожке к дому, как поднялась на второй этаж. Свет зажёгся в окне наверху — её окне. Я стоял на улице, за оградой, и смотрел вверх, видя её силуэт за шторами.

Двухэтажный дом, частный участок, деревья по перимет-

ру — идеальное место. Уединённое. Тимое. Никто не увидит, если я подойду ближе.

Она жила здесь. Она спала здесь. Она была уязвима.

Я должен был уйти. Я знал это. Но я не мог. Я стоял и смотрел, как она ходит по комнате, как она садится на кровать, как она роняет голову на подушку. И в этот момент я понял, что не хочу её просто трахнуть. Я хотел большего. Я хотел видеть её каждый день. Я хотел слышать её голос. Я хотел, чтобы она смотрела на меня с тем же трепетом, с которым я смотрел на неё.

Но я не мог себе в этом признаться.

— Это просто желание, — прошептал я себе в темноте.
— Это просто тело. Она захочет — и я возьму её. И всё.

Я повторил это несколько раз, пока сам не поверил.

— --

Ночью, когда я стоял у неё под окном и смотрел на её силуэт, я понял, что соврал самому себе. Я хотел её не только телом. Я хотел её душу. Но признаться в этом означало признать, что я слаб. А я не был слабым. Никогда.

Я перелез через ограду — низкую, чисто символическую — и подошёл к дому. Участок был тёмным, окна на первом этаже не горели. Я обошёл дом, нашёл дверь на террасу — она была заперта, но замок оказался простым. Я справился с ним за секунды. Внутри пахло лавандой и чем-то сладким, её запахом. Я поднялся по лестнице на второй этаж, стараясь не скрипеть ступенями, и вошёл в её комнату.

Она спала, раскинувшись на подушке, её локоны разметались по простыне, губы были приоткрыты. Она была такой беззащитной, такой красивой, что у меня перехватило дыхание.

Я хотел дотронуться до неё. Провести рукой по её щеке. Но я знал: если я коснусь её сейчас, я не смогу остановиться. Я достал блокнот из кармана и написал записку. Мои пальцы двигались быстро, но буквы выходили чёткими.

«Ты очень сладко спишь. Но не думаю, что сможешь спать так же сладко в постели со мной».

Я положил листок на прикроватную тумбочку — туда, где она увидит его сразу, как только проснётся. А потом достал из кармана розу. Тёмно-красную, почти чёрную, с шипами, которые я специально не срезал. Я прошёл к туалетному сто-

лику у окна и положил её рядом с её духами и гребнем. Пусть найдёт. Пусть поймёт, что я был здесь. Что я касался её вещей. Что я всегда буду рядом, даже если она меня не видит.

Я вышел так же тихо, как вошёл. Уже на улице я прислонился к стене дома и закрыл глаза. Внутри у меня всё бурлило. Моя грудь сжималась от чувства, которое я не мог назвать.

Это не просто похоть.

Это что-то более тёмное.

Я хочу завладеть ею. Полностью. Чтобы она думала только обо мне. Чтобы она боялась меня. Чтобы она хотела меня.

Я не знал, что это за чувство. Но я знал, что оно будет длиться вечно.

Она не сбежит.

Она — моя.

— --

Я вернулся домой уже под утро. Принял холодный душ,

пытаясь смыть с себя её запах — тот самый, сладкий, с нотками ванили, который впитался в мою кожу. Но он не смылся. Он остался на мне, как клеймо. Как метка.

Я оделся, собрался и вышел из дома. Работа ждала. Клубы, отчёты, встречи — всё то, что составляло мою жизнь до неё. Но теперь всё это казалось пустым. Механическим. Я делал всё на автомате, а в голове была только она.

Эвелин.

По пути в клуб телефон завибрировал. На экране высветилось имя: Рейд.

Я поднял трубку, и в динамике раздался его голос — низкий, с металлическими нотками.

— Приезжай ко мне. Есть разговор.

Я напрягся. Рейд не звонил просто так. Я перебрал в голове свои дела: клубы работают, налоги платятся, персонал под контролем. Всё чисто. Но тон брата не обещал ничего хорошего.

— Скоро буду, — ответил я и сбросил звонок.

Клуб «XXX» встретил меня басами и полумраком. Я прошёл через чёрный вход, поднялся в свой кабинет на втором этаже. Стеклоанная стена, за которой открывался вид на весь зал. Я сел в кожаное кресло и развернул ноутбук. Отчёты, счета, графики — рутина, которая была мне привычна. Я работал быстро, сосредоточенно, но мысли то и дело улетали к ней.

Эвелин.

Я сжал ручку так сильно, что она чуть не треснула. Я не мог думать о ней. Не сегодня. У меня были дела.

Я уже собирался уходить, когда в кабинет без стука вошла одна из официанток. Новенькая. Высокая, с ярко-рыжими волосами, обтягивающим платьем и хищным взглядом. Она улыбнулась, задерживаясь у двери.

— Малакай, — её голос был сладким, как мёд. — Я хотела сказать тебе... у тебя такой напряжённый день. Может, расслабишься немного?

Она шагнула ближе, почти вплотную. Её рука скользнула по моему плечу, и я почувствовал запах её духов — сладкий,

приторный, от которого у меня свело скулы.

Я медленно повернулся к ней. Посмотрел в глаза.

— Ты новенькая, — сказал я, и мой голос прозвучал холоднее, чем я планировал. — Я понимаю, тебе, наверное, кто-то сказал, что это сработает. Но запомни раз и навсегда.

Я поднялся с кресла, и она автоматически сделала шаг назад.

— Я не смешиваю работу с личной жизнью. Никогда. Это не обсуждается. Если ты ещё раз войдёшь в этот кабинет без стука и с подобными намерениями — будешь искать работу в другом месте. Поняла?

Она побледнела. Кивнула быстро, почти испуганно.

— Поняла, — прошептала она.

— Свободна.

Она вылетела из кабинета, как ошпаренная, а я остался стоять у стола. Все эти женщины... Они хотели меня. Моё тело, мои деньги, мою власть. И все они были одинаковыми. Пустыми. Но она была другой. Эвелин. Она даже не знала,

кто я. И в этом было всё её очарование.

Я взял телефон и набрал сообщение Рейду: «Выезжаю».

— --

Я подъезжал к особняку брата на Покровке. Шикарное трёхэтажное здание с высокими колоннами, коваными воротами и охраной у входа. Рейд любил показную роскошь — это было его слабостью и одновременно его силой. Люди боялись его, но они также уважали его за то, что он не прятался.

Он стоял на крыльце, разговаривая по телефону. Его высокий силуэт выделялся на фоне тёмного неба. Я припарковался, вышел из машины, подошёл ближе. Он бросил на меня короткий взгляд и поднял палец — подожди. Я засунул руки в карманы и стал ждать.

Рейд договорил, убрал телефон и посмотрел на меня. Тяжело. С прищуром.

— Поднимемся в мой кабинет.

Я не задавал вопросов. Просто пошёл следом.

— --

Кабинет был огромным. Тёмное дерево, мягкий свет настольной лампы, запах дорогого виски и табака. Рейд сел в своё кожаное кресло, откинулся на спинку и уставился на меня. Я сел напротив, сложив руки на коленях. Тишина затянулась на несколько секунд, и я знал, что он проверяет меня. Смотрит, не дрогну ли я. Не покажу ли слабость.

— У меня есть должник, — начал он медленно. — Ему нечем вернуть деньги, но у него есть дочь. Мне она не нужна — я не собираюсь связываться с такими делами. Но я решил предложить её тебе. Думаю, она будет тебе по вкусу.

Он протянул мне фотографию.

Я взял её. Перевернул.

И замер.

На фото была она. Эвелин. Её золотистые локоны падали на плечи, её голубые глаза смотрели в камеру с лёгкой, чуть застенчивой улыбкой. Те же черты, которые я уже знал наизусть. Та же маленькая птичка, которая спала у меня в голове и не давала покоя.

Где-то внутри меня всё перевернулось. В груди что-то

ёкнуло — то самое чувство, которое я пытался задавить. Ярость на отца, который продал её. Радость оттого, что она будет моей. И что-то ещё. Что-то, что я отказывался называть по имени.

Я заставил себя сохранить маску спокойствия. Не дрогнул. Только сжал фото чуть сильнее, чтобы скрыть дрожь.

— Что от меня требуется? — спросил я, голосом, который не выдал ни одного чувства.

— Вы должны прожить полгода в фиктивном браке, — Рейд подался вперёд. — Мне нужен чистый партнёр для сделки с иностранными инвесторами. Моя репутация запятнана, а ты — идеальный фасад. Молодой, успешный, без криминального прошлого. Им нужна стабильная семейная пара. Это условие контракта. Полгода — и ты свободен. А долг её отца будет закрыт. Я даю тебе время до завтра. Откажешься — я найду другого.

Я перевёл взгляд на фото. Она смотрела на меня с бумаги, такая живая, такая невинная. Она даже не знала, что её жизнь уже решена. Что кто-то уже торгует её судьбой. И что этот кто-то — я.

Внутри меня боролись два чувства. Одно говорило: «Это

неправильно. Она не заслуживает быть товаром». Другое — то, которое было сильнее, шептало: «Ты хотел её. И теперь она будет твоей. Легально. На законных основаниях. Даже её отец не сможет её забрать».

Я поднял глаза на Рейда.

— Согласен, — сказал я, и внутри меня разлилось холодное, тёмное удовлетворение.

Рейд усмехнулся. Он знал, что я соглашусь. Он всегда знал.

— Я думал, ты откажешься, — сказал он, хотя в голосе не было удивления.

— Ты же знаешь, я никогда не отказываюсь от того, что хочу.

Я встал, сжав фото в руке. Я не выбросил его. Я убрал его во внутренний карман пиджака, рядом с сердцем. Пусть лежит там. Пусть напоминает мне, почему я это делаю.

Выйдя из кабинета брата, я остановился на крыльце, вдохнул холодный ночной воздух и посмотрел в небо. Там, за облаками, за тучами, была она. Маленькая птичка, которая да-

же не знала, что клетка уже строится.

Теперь ты точно моя, — подумал я, и пальцы сжались в кулак. И никто не сможет у тебя меня забрат

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.